

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

МУЖИК.
БИТВА ЗА НАШУ
ТАЙГУ

Екатерина Мелкова

Мужик. Битва за нашу тайгу

«Автор»

«Автор»

2026

Мелкова Е.

Мужик. Битва за нашу тайгу / Е. Мелкова — «Автор», «Автор»,
2026

Она — столичный кондитер, он — суровый таёжный бортник. Полина приезжает за реликтовым мёдом, но вместо сделки находит смертельную схватку за землю. Корпорация хочет выжечь тайгу, а Матвей готов стоять насмерть. Вместе им предстоит пережить нападение шершней, пожар, предательство и обрести любовь. «Таёжное золото» — это не только мёд, но и сила двух сердец, способных защитить свой дом. История о страсти, мести и торжестве природы.

© Мелкова Е., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. На гвоздях в тайгу	6
Глава 2. Огненный щит	10
Глава 3. Руки мастера	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виктория Шнайдер

Мужик. Битва за нашу тайгу

Мужик. Битва за нашу тайгу

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1. На гвоздях в тайгу

Старая белая «Нексия» с глухим скрежетом села картером на замшелый валун. Двигатель взвизгнул и заглох; в салоне запахло жженым сцеплением. В тесном салоне повисла тяжелая тишина, пахнувшая перегретым тосолом, сырой обивкой и моим застарелым городским страхом.

Колея окончательно оборвалась там, где глухая уральская тайга превратилась в непролазный завал из вывороченных пихт, черного сланца и бездонной чавкающей глины.

— Всё, приехали, хозяйка, — Ахмет заглушил зажигание и нервно вцепился в баранку. — Дальше хода нет. Вон за протокой хутор Северова. Пешком давай. Триста метров по гати через ручей. Мужик этот, Матвей, в районе волком слывет, чужих на колесах не терпит. Выгрузайся, мне до темноты на трассу выбраться надо, пока дорогу окончательно не размыло.

— Какая гать, Ахмет? — я прижалась лбом к холодному стеклу. По ту сторону моросил мелкий, колючий дождь, затягивая верхушки пихт плотным сизым туманом. — Вы же клялись довести меня до ворот! У меня сорок килограммов сложнейшего оборудования!

— Сама видела, куда ехали! Выходи!

Я сжала зубы до боли в висках. Плакать было нельзя. Слезы в Петербурге кончились три дня назад, когда я застала офис на Литейном опечатанным приставами, счета мастерской — заблокированными, а моего жениха и управляющего Вадима — исчезнувшим со всеми деньгами студии. У меня оставались последние личные наличные, авторский бренд «Шоколадный Дом Соколовой», заявка на Международный кубок шоколатье в «Гранд Отеле Европа» через сорок пять дней и адрес таёжного бортника, хранившего в уральских дебрях неприкосновенный запас реликтового липового монофлора.

Я толкнула дверцу. Ледяной воздух обжег легкие влажным запахом прелой хвои и озона. Вытащив из багажника тяжелый поликарбонатный чемодан на колесиках с кондитерскими формами, цифровым рефрактометром и старинным медным термометром, я шагнула в мох. Маленькие городские колесики тут же намертво завязли в чавкающей торфяной жиже. Тонкий итальянский каблук замшевого ботильона с чавканьем ушел в грязь по щиколотку. Стиснув зубы, я обеими руками вцепилась в телескопическую ручку и с трудом волокла сорокакилограммовую поклажу, теряя равновесие на каждом шагу.

— Подождите пять минут! — крикнула я вдогонку.

Ахмет смотрел на колею сквозь закрытое стекло. Колеса взрезали глину, и машина задом рванула обратно, скрывшись за пеленой дождя. Я осталась одна перед яростно ревущим перекатом ручья Быстрый.

«Гать» оказалась двумя осклизлыми лиственничными бревнами, брошенными через бурлящий пенный поток. Меж гранитных валунов с оглушительным ревом неслась свинцовая ледяная вода. Сделав шаг и волоча обеими руками сорокакилограммовый груз, я почувствовала, как мокрая кора уходит из-под ноги. Раздался сухой треск супинатора, лодыжка подвернулась, и чемодан накренился над стремниной.

— Нет! — вырвался отчаянный крик.

Вся моя жизнь летела в омут. Я метнулась перехватить ручку, но ноги соскользнули, и меня спиной вперед сорвало в кипящий водоворот.

Удар ледяной волны вышиб дыхание. Камни неслись навстречу, когда из хвойного сумрака метнулась исполинская тень. Раздался всплеск болотных сапог, и огромная ладонь, пахнувшая сосновой смолой и костром, железным обручем перехватила мою талию. Одним мощным рывком меня выдернуло из пучины, словно пушинку. Вторая рука мужчины с плещущим рывком вырвала со дна сорокакилограммовый багаж.

Секунда — и я стояла на твердой отмели, прижатая к широченной, как бревенчатый сруб, мужской груди. Сквозь грубое сукно его куртки шло первобытное печное тепло.

— Совсем ума нет, городская? — пророкотал надо мной вибрирующий бас. — В тайгу на гвоздях полезла. Утонуть захотела?

Я подняла глаза. Передо мной высился великан за два метра ростом, с окладистой смоляной бородой, гранитными чертами лица и серо-стальными глазами. Матвей вернулся к пню и выдернул из него топор. Капли воды еще стекали с его рукавов.

— Я... за мёдом, — выдавила я, стуча зубами. — Вы Матвей Северов?

Он разжал руки, смерив меня немигающим взглядом:

— Северов. Чего надо?

Я торопливо достала из водонепроницаемого пакета во внутреннем кармане веер пяти-тысячных купюр:

— Я Полина Соколова, шеф-кондитер из Петербурга. Мне нужен ваш бортовой мед с урочища Чёрный Гребень. Весь сбор. Здесь двести тысяч рублей задатка. Заплачу вдвое больше рыночной цены.

Матвей смотрел мне в глаза. Перехватив топор за топориче, он обухом мягко отвел мою руку в сторону:

— Спрячь бумагу, девка. Тайга не базар. Пчела суеты не терпит. А северовский мёд чужакам за деньги не отдадут. Его заслужить надо.

— Что значит заслужить?! — вскипела я. — У меня контракт! Я предлагаю честную сделку!

— Закон здесь другой. Поворачивай назад, пока волки не вышли.

Он развернулся и зашагал по тропе.

— Стойте! — закричала я, хромая за ним. Матвей подхватил оставленный у отмели чемодан, и я ускорила шаг. — Дайте хотя бы пробу! Одну каплю!

Матвей остановился у кедрового пня, достал охотничий нож и подцепил из берестяного короба янтарный кусок запечатанного сота. Шагнул ко мне вплотную:

— Рот открой. Если нутро живое — поймешь, за чем приехала.

Холодная сталь с золотой каплей замерла у моих губ. От лезвия пахло брусникой и воском. Я подалась вперед и сняла мед.

Вкус взорвался на языке терпким ментолом дикой липы — чистым, как горный воздух после грозы. Следом раскрылась бархатная карамель многолетней выдержки в дупле, ноты чабреца и кедровой смолы. Сладость уступала место прохладной терпкости. По густоте я прикинула влажность; точное значение требовалось проверить рефрактометром. Это был шедевр мировой гастрономии.

— Влажность, похоже, около шестнадцати процентов, — прошептала я. — Так пахнет горная липа. Вы гений, Северов.

В его стальных глазах мелькнуло удивление, но он спрятал нож:

— Слова красивые. А мёд всё равно не продается.

За перекатом шумел лес. За это время Ахмет успел уехать далеко, и вызвать его обратно было нечем.

— До трассы тридцать верст пешком, — констатировал Матвей. — До утра тебя волки съедят. Пошли на хутор.

Хутор Медовый Дол встретил потемневшей от времени лиственничной избой, бондарней и рядами ульев у запруды. Подойдя к крыльцу большого дома, Матвей защелкнул дубовую дверь пудовым замком.

— А я? — замерла я на ступенях.

— В дом чужих не пускаю, — отрезал он, указав на низкий сруб летней кухни. — Вон летняя кухня. Топчан есть, печь есть. Дрова под навесом. Не нравится — тайга широкая.

В летней кухне пахло сырой известью и холодом. Матвей оставил у двери сухой свитер и шерстяные носки; я переоделась, развесив мокрую одежду у печи. При зажженной керосинке я увидела, что флакон духов разбился в чемодане, залив черновики договоров. Мобильник светил: «Нет сети». Но на дне тубуса уцелели мой рецептурный блокнот и медный термометр.

Во дворе на цепи глухо рычал кавказский волкодав Гром — огромный мохнатый зверь с налитыми кровью глазами. А в окнах большого дома тепло светился огонь печи.

Я прижала к груди термометр и прошептала в мокрое стекло:

— Ты отдашь мне этот мед, Матвей. Я заставлю тебя уважать мое мастерство.

Дрова прогорели к утру. Рассвет ворвался в щели летней кухни ледяным сквозняком и горьковатым запахом березового дыма.

Тело ломило от ночного холода, распухшая щиколотка ныла. Я обмотала ее эластичным бинтом из дорожной аптечки и села натянуть обувь. Умывшись ледяной водой из ведра, от которой перехватило дыхание, я заплела тяжелые каштановые волосы в тугую косу, обула запасные кроссовки и шагнула во двор. Из распахнутых ворот бревенчатой бондарни доносился мерный стук молотка и визгливый шорох ручного рубанка.

Воздух в мастерской был горячим, плотным, густым: он пах смолой, выдержанным кедром, воском и тонкой медовой сладостью. Вдоль бревенчатых стен высились штабеля клепок, на козлах темнели стянутые обручами заготовки бочек, а в центре за массивным верстаком работал Матвей.

В холщовой рубаше без рукавов, обнажавшей бугристые, оплетенные венами предплечья, он широким дугообразным скобелем снимал прозрачную стружку с липовой доски.

— Проснулась, барыня? — бросил он, продолжая строгать. — Думал, до полудня слезы на топчане лить будешь.

— Я мастер, Матвей Степанович, — я подошла к верстаку, подтянув рукава свитера. — Шестого разряда. И привыкла работать руками.

Он выпрямился во весь свой исполинский рост, скрестив руки на груди:

— Руками, говоришь? Городские руки только по клавишам стучать умеют. Вон в углу полсотни рамок для ульев. Старые, засмоленные, в черном воске и прополисе. Их до чистой древесины выскоблить надо, наросты срезать, пазы под вошину расчистить. Одно неверное движение — рамку расколешь, а она из резонансной липы гнута. Справишься до обеда — налью чаю. Сломаешь хоть одну — чемодан на закорки и шагом марш на трассу.

Он сунул мне тяжелый стальной скобель с двумя рукоятками и указал на табурет.

Я села и уперла первую рамку в край верстака, закрепив струбциной. Первое движение вышло неловким — сталь соскользнула, едва не распоров джинсы на бедре. За спиной раздался короткий смешок Матвея.

Я глубоко вздохнула. Это было похоже на нарезку монолитного блока Criollo: тот же угол, тот же нажим. Я повела лезвие под углом в тридцать градусов. Сталь мягко вошла в воск, снимая упругую янтарную ленту. В воздухе разлился одуряющий аромат прополиса — ладан, гвоздика и сосновые почки. Пальцы сводило судорогой, на ладонях набухали водянистые мозоли, а я переворачивала очередную рамку. Десятая. Двадцатая.

На тридцать пятой рука дрогнула на сучке, лезвие глубоко застряло в древесине, сухое дерево жалобно хрустнуло.

Внезапно сзади опустилась тяжелая горячая волна. Матвей подошел неслышно. Наклонившись, он накрыл мои ладони своими огромными руками. Его широкая грудь прижалась к моей спине, сквозь свитер я ощутила жар его тела, а его борода коснулась моего виска.

— Не рви, глупая, — прошептал он мне в ухо. От его дыхания по шее побежали мурашки. — Дерево силу чувствует, а злость не любит. Потяни на выдохе.

Его пальцы мягко скорректировали хват, направляя рез, и лезвие чисто сняло тонкую стружку. Мы замерли на несколько секунд. Сердце колотилось в горле. В этой близости была первобытная мужская сила и неожиданная бережность, от которой кружилась голова.

Матвей медленно убрал руки и бросил на верстак свежий скол доски:

— Вот этот обрезок понюхай. Что скажешь?

Я закрыла глаза, сделав медленный вдох:

— Липа. Хорошо просушенная, без запаха гнили. Для бочонка под мед подойдет: аромат древесины мягкий, мед останется главным. Остальное ты сам скажешь — где рубил и сколько сушил.

Матвей замер с поднятыми бровями:

— Нос у тебя толковый. Четыре года сушил, — сказал он и впервые улыбнулся без насмешки.

— Я работаю с какао со всего мира, Северов. По запаху отличу урожай Мадагаскара от Венесуэлы. Кондитерское дело — это физика кристаллической решетки жиров. Если соединить ваш мед с шоколадом неправильной температуры, эмульсия расслоится и превратится в серую замазку. А если сделать правильно — мед раскроется и в горечи шоколада. Я за этим сюда и приехала. Я положила скобель на верстак и подняла глаза: теперь его очередь отвечать.

Глава 2. Огненный щит

Матвей взял очищенную рамку, провел ладонью по пазу и поднял на меня глаза. Я ждала, что он скажет.

— Ишь ты... — в уголках его губ дрогнула теплая усмешка. — Пошли взвар пить. Заслужила.

Уложив рамки в стопку, я вытерла верстак. Мы пили густой настой сушеной земляники с липовым цветом из глиняных кружек прямо на верстаке. Горячий напиток обжигал губы, прогоняя озноб, и между нами впервые установился хрупкий, драгоценный мир.

— Матвей! Ты дома? — звонкий женский голос разорвал тишину со двора.

В бондарню вошла женщина лет тридцати в приталенной куртке и ярком платке, с трехлитровой банкой молока. Увидев меня в свитере Матвея с глиняной кружкой в руках, она замерла, потемнев лицом:

— Это еще кто? Из района говорят — машина к тебе прорывалась!

— Люба, не трещи, — оборвал Матвей. — Это Полина Сергеевна из Питера. По делу.

— По делу?! В шелках по болотам дел не делают! Знаем мы этих городских! Корнеев в поселке сказал: кто с ними свяжется — без пасеки останется!

— Корнееву передай, чтоб нос сюда не совал, — Матвей поднялся во весь рост, и в его голосе зазвенела сталь. — А будешь гостей оскорблять — дорогу на хутор забудешь.

Люба прикусила губу, зло зыркнув на меня:

— Посмотрим, как запоешь, когда приставы приедут!

Она выбежала со двора. Матвей проверил гладкость очищенных мной рамок:

— Все пятьдесят штук в чистоте. Руки на месте, Полина. Вечером покажу борти. Будет разговор о мёде.

Послеполуденное солнце раскалило поляну до духоты. Туман рассеялся, над тайгой повисло тяжелое марево, пахнущее грозой и нагретой сосновой смолой.

Я сидела на бревне у навеса, растирая ноющие запястья. Матвей на дальнем краю пасеки осматривал племенные колоды с темной пчелой, проверяя маточники перед главным взятком.

Внезапно воздух изменился. Птицы смолкли. Пчелы забили тревогу вибрирующим гулом, а из пихтового распадка донеслось низкое металлическое жужжание, похожее на звук десятка крошечных моторов.

— Шершни! — громовой крик Матвея разорвал духоту. — Полина, в избу! Быстро!

Из чащи на пасеку вывалилась черная туча. Гигантские таёжные шершни величиной с палец неслись на племенные колоды, атакуя пчел у летков. Матвей схватил широкий веник и дымарь, бросаясь наперерез туче и закрывая собой леток.

В этот миг над пасекой раздался оглушительный треск: подгнивший столб старого навеса не выдержал порыва предгрозового ветра. Тяжелая листовенничная балка со скрежетом рухнула вниз. Один конец уперся в камень, другой прижал сапог Матвея к земле, зажав ногу.

— Чёрт! — взвыл он, пытаясь приподнять ствол руками. Лицо побагровело; балка держалась в пазу разрушенного навеса.

Десятки разъяренных шершней спикировали на упавшего человека. У ворота разорванной рубахи на его шее уже вздувались багровые желваки от укусов. Массовое нападение грозило анафилактическим шоком и гибелью за считанные минуты.

Паника уступила место холодной ярости. Я метнулась к навесу бондарни, схватила двухметровый кованый брус-рычаг и рванула к ульям.

— Полина, назад!.. — хрипел Матвей.

— Заткнись, Северов!

Я вогнала плоский конец бруса под бревно, оперла на валун и навалилась всем телом, натянув жилы до предела. Сталь скрипнула, ствол приподнялся:

— Ногу тяни! Живо!

Матвей с рычанием выдернул голень, перекатившись на спину. Шершни кружили у его лица. Он прикрыл глаза рукавицей и пополз к бондарне.

Бросив брус, я подлетела к стоявшей у бондарни газовой горелке: Матвей оставил ее на верстаке после работы с воском. Открыла вентиль, щелкнула розжигом — из сопла с ревом вырвался короткий синий факел!

— А ну пошли вон, твари! — закричала я, вскидывая горелку.

Я схватила брошенный дымарь и раздула меха у огня. Густой дым лег между Матвеем и летком. Горелкой я отсекала налетевших вплотную шершней, затем отступила вместе с Матвеем к бондарне. Он натянул на голову запасную сетку и захлопнул за нами дверь. Снаружи насекомые бились о стекло.

Последний шершень успел залететь следом и метнулся мне прямо в лицо. Жвалы щелкнули у самых глаз. Я вскрикнула, отшатнувшись, но снизу взметнулась тяжелая рука Матвея — кожаная рукавица на лету сбила тварь, а каблук сапога раздавил ее в щепе.

Жужжание за дверью постепенно стихло.

Я перекрыла вентиль и поставила горелку на верстак. Руки тряслись мелкой дрожью. Опустившись на колени рядом с Матвеем, я увидела на его шее три страшных багровых укуса размером с грецкий орех. Кожа горела огнем.

— Сумасшедшая... — прохрипел он, глядя на меня и с трудом выговаривая слова. — Понимаешь, что они сделали бы с тобой?

— Понимаю. А теперь сиди смирно.

Я достала из мастерской аптечку, смочила чистую салфетку водой и приложила к опухшей шее. Матвей стиснул зубы. По рации он дозволялся Любы; я следила за его дыханием, пока фельдшерица ехала на хутор. Мои пальцы касались его горячей кожи, чувствуя частый стук жилы. Он открыл глаза — и в них горела бездонная мужская благодарность:

— Спасибо, Поля.

Люба осмотрела его, обработала ссадины и велела беречь ногу. К вечеру Матвей смог подняться; он принес из погреба-ледника тяжелый берестяной батман с запечатанным воском сотом:

— Держи. Чистый бортовой монофлор Царь-Липы. Три килограмма. На пробу для твоих трюфелей. Забирай просто так. Заслужила.

Я убрала батман в холодную кладовую и записала первые ощущения от меда. К ночи штормовой ливень обрушился на тайгу сплошной стеной ледяной воды.

Мы спасали пасеку. Превозмогая боль в ноге, Матвей стягивал брезентовыми пологами колоды. Я таскала ящики под навес, промокнув за первые две минуты до нитки. Мокрый свитер лип к телу, ледяные струи заливали глаза, губы посинели от холода, но я обеими руками вцепилась в край брезента против ветра. Матвей накрыл мои пальцы своими, завязав трос мертвым узлом.

В реве бури слышался надрывный треск мотора: на поляну влетел старенький мотоцикл «Урал» старого лесничего Егора Савельича.

— Матвей! Беда! — прокричал старик, вваливаясь в летнюю кухню и бросая на стол мокрые бумаги. — Корнеев оформил перевод Медового Дола и Чёрного Гребня в категорию земель под распашку рапса! Область подписала! Через неделю Корнеев гонит сюда технику! Нужно успеть подать жалобу и остановить работы!

У Матвея побелели костяшки кулаков. В его глазах плеснулось черное отчаяние сильного человека перед казенным беспределом.

— Дайте сюда документы, — твердо сказала я.

Я придвинула керосинку. За семь лет бизнеса я научилась читать договоры и спорить с проверяющими. Теперь искала в бумагах хоть одну проверяемую зацепку. Мой взгляд скользнул по кадастровому плану:

— Контрольная точка сорок семь дробь Б! Линия межевания пересекает ручей Быстрый и захватывает стометровую прибрежную полосу реки Белой! Здесь нужно отдельно проверять ограничения водоохранной зоны и законность перевода леса! Эту границу они обязаны были учесть. На таком плане можно требовать приостановки работ!

Савельич хлопнул по коленям:

— Верно! Водный кодекс выше района!

— Подождите... — я вгляделась в правый угол титульного листа межевого дела.

Там стоял оттиск штампа составителя экспертизы: ООО «Балт-Юриспруденция» / «Северный вектор», Санкт-Петербург, Литейный проспект. Генеральный директор: Романов В.А.

Дыхание перехватило. Вадим. Мой бывший жених.

Я узнала его подпись: Вадим составлял бумаги для Корнеева. Какая доля в этом захвате принадлежала ему, предстояло доказать; связь между нашими бедами лежала передо мной на столе.

— Это Вадим... — прошептала я сквозь слезы ярости. — Мой бывший жених. Они работают вместе.

Матвей медленно выпрямился, и лицо его стало каменным:

— Значит, война.

— Война, — я набросала на обороте акта юридический протест. — Савельич, гони к прокурору района Воропаеву. Скажи: если к утру не будет предписания — бумага ляжет на стол Генеральному прокурору. Я подниму прессу!

Старик спрятал документ и умчался в ночь.

Дверь захлопнулась, и силы покинули меня. Жестокий озноб сотряс тело, зубы застучали дробью. Ледяная вода и нервное потрясение обрушились тяжелейшей лихорадкой. Ноги подкосились.

Матвей шагнул ко мне и подхватил меня, прижав к широкой груди.

— Тише, Полюшка... — испуганно шептал он.

Он вынес меня под ливень, поднялся на крыльцо большого дома, отпер амбарный замок и внес в жилую избу.

В избе дышала жаром русская печь. Опустив меня на дубовую лавку, Матвей упал на колени, растирая мои заledenевшие ступни горячими ладонями:

— Вся ледяная... Зачем под ливень полезла, дурочка городская?

— Я должна была... — шептала я сквозь стук зубов. Перед глазамиплыли багровые круги.
— Я не отдам им твою землю...

— Молчи, родная. Никому ничего не отдадим.

Он помог мне стянуть мокрый свитер, укутал меня в тяжелый овчинный тулуп и поднял на теплые полаты у печи.

Забравшись следом, он лег рядом поверх тулупа, обнял меня своими могучими руками, прижимая мое дрожащее тело к своему горячему торсу и согревая дыханием мои пальцы:

— Грейся. Я с тобой. Ни один бес до тебя не дотронется. Спи, хозяйка. Завтра наш бой.

Я уткнулась в его горячую шею, вдыхая запах смолы и меда, и провалилась в сон. Через несколько часов меня снова разбудил озноб.

Озноб внутри меня бушевал сильнее грозы за бревенчатыми стенами. В тумане лихорадочного бреда я попыталась сползти с высоких деревянных полатей у русской печи, бормоча о размокших счетах и сорванных контрактах в Петербурге. Колени подломились на ступеньке. Матвей подхватил меня под локти, прежде чем я ударилась о пол. Он вернул меня на теплую

печную лежанку и укрыл тяжелым овчинным тулупом с головой. Я вцепилась в край тулупа; запах овчины и сушеной душицы вернул мне ощущение дома.

— Воды... — прошептала я, пытаюсь нащупать на лавке промокшую сумочку. Блистер застрял в ее подкладке.

Матвей сел на край полатей, осторожно приподнял мою голову широкой горячей ладонью и поднес к запекшимся губам глиняную кружку с парящим темным настоем: — Люба сказала температуру мерить и пить понемногу. Вот липовый цвет с душицей, Полина. Теплый, горло согреешь.

Терпкий смолистый пар ударил в носоглотку, но первый торопливый глоток вызвал кашель. Я закашлялась и отшатнулась, разбрызгивая настой на край кружки. Тогда Матвей зачерпнул резной деревянной ложкой густой, почти черный вересковый мед десятилетней выдержки и мягко коснулся моих губ: — Попробуй с медом. Горло смягчит.

Тягучая карамельная сладость с нотами диких пустошей мгновенно смягчила воспаленное горло. Я жадно допила взвар до дна, чувствуя, как по жилам разливается целебный жар, а по коже проступает обильный, спасительный пот.

Обессиленная, я уронила голову на холщовую подушку. Слезы обожгли щеки: вспомнился промозглый ноябрь, когда бывший жених Вадим бросил меня с пневмонией в пустой квартире ради банкета с инвесторами, бросив на прощание: «Вызови скорую, у меня контракт горит». Матвей молча опустил на колени у полатей, взял мои ледяные пальцы в свои огромные ладони и стал методично согревать их глубоким дыханием. В его серых глазах светилась несокрушимая мужская верность. Внутренняя ледяная стена рухнула, и я уснула с ладонью в его руке.

На рассвете термометр показал обычную температуру, но желудок мучительно свело от голода. Скрипнула дверь, и Матвей внес пышущий чугунок: ухватом поставил его на стол и наполнил мою миску пшенной кашей на топленом молоке с запеченной тыквой и сушеной черникой. Каждая ложка возвращала телу плотную, звенящую силу.

Я потянулась было к своему свитеру, но он все еще был сырым и пах дымом. Матвей без лишних слов открыл кованный сундук и положил передо мной просторную беленую льняную рубаху с брусничной обережной вышивкой по подолу: — Матушка моя ткала. Чистый лен, телу легко будет. Надень.

Шелковистое прохладное полотно опустилось до самых щиколоток, избавив от городской тесноты. Опираясь о косяк, я вышла на высокое крыльцо под ослепительное утреннее солнце. Воздух звенел золотом, пахло хвоей и цветущей липой. Во дворе Матвей, обнаженный по пояс, одним точным ударом тяжелого колуна раскалывал березовые кряжи надвое. Рельефные мышцы его спины играли на солнце в безупречном ритме богатырской силы, и у меня сладко перехватило дух от незнакомого чувства абсолютной защищенности. Когда наши взгляды встретились, он кивнул в сторону пруда: — Окрепнешь — баню затоплю. Отмою тебя от городской беды.

Глава 3. Руки мастера

Через два дня Матвей принес в дом чистое полотенце: — Баня готова, Поля. Озноб прошел, силы возвращались; я взяла полотенце и заплела волосы. К вечеру сумерки синим шелком опустились на таёжный распадок. По дощатым мосткам я спустилась к низкому замшелому срубу, поставленному на гранитные валуны у самого края родникового пруда. Привычные городские представления о бане рухнули в то же мгновение, едва я толкнула низкую дверь. Внутри царил полумрак, стены и бревенчатый потолок лоснились от толстого слоя смоляной угольно-черной копоти, а трубы не было вовсе — на каменке багрово мерцали прокаленные голыши. Я испуганно отпрянула, прижав к груди льняное полотно: — Здесь же дымно... всё в саже!

Матвей, шагнувший следом, мягко улыбнулся в густую бороду: — Не бойся, Полина. Это баня по-чёрному, дедовская. Угли убрал, баню проветрил. На нижнем полке жар мягче. Заходи, вдохни.

Преодолев городскую оторопь, я переступила порог. Вместо едкого дыма ноздри наполнил густой, сладковатый аромат прокаленного речного камня, березового листа и свежей пихтовой хвои.

Сухой жар тут же накрыл плечи тяжелой волной. Дыхание перехватило, воздух показался слишком густым, и в груди сжался спазм. Матвей осторожно направил меня к широкому нижнему полку: — Ложись ничком, закрой глаза и дыши носом прямо в сено. Трава пар остудит.

Полок был устлан толстым слоем свежего разнотравья. Я уткнулась лицом в прохладный донник и клевер; пряный медовый дух наполнил легкие, жар перестал обжигать, а по спине ручьями потек пот, и мышцы понемногу расслаблялись.

Мышцы спины и лопаток, затекшие от работы с брусом на пасеке, все еще ныли глухой болью. Матвей зачерпнул деревянным ковшом настой дикой мяты и плеснул на каменку. Камни отозвались глухим пушечным вздохом, вытолкнув мягкую волну душистого пара. Взяв два распаренных, шелковистых липовых веника, Матвей начал неспешно, легкими ритмичными касаниями прогревать мое тело — от шеи и лопаток до пяток. Липовые листья прилипали к коже, отдавая целебный сок; глубокое, тягучее тепло проникало до самых костей, растапливая каждый зажатый нерв. Я тихо зажмурилась от невыразимого телесного блаженства.

— Хватит на первый раз, — произнес Матвей, отложив веники.

Кожа звенела от жара, сердце часто колотилось в висках. Мне показалось, что еще миг — и легкие вспыхнут. Матвей взял меня за руку, вывел из жаркого полумрака на мокрые, прохладные доски мостков над прудом и негромко скомандовал: — По ступенькам сходи, Поля. Держись за поручень.

Я спустилась по лесенке в темную зеркальную воду. Ледяная вода обожгла тело миллионами электрических игл, вышибая дух, но через секунду сменилась ликующим, яростным жаром перерождения.

Я оттолкнулась от ступеньки, нырнула и заскользила к середине пруда, собираясь доплыть обратно широкими гребками. Но на глубине двух метров в ледяной родниковой жиле мою правую икру свело свирепой судорогой. Нога мгновенно окаменела, резкая боль прошла тело, я хлебнула воды и стала камнем уходить в бездну.

Матвей срезал воду ласточкой. В два мощных гребка он настиг меня на глубине, железной рукой подхватил под грудь, вынес на поверхность и одним слитным рывком выбросил на дощатые мостки, упав рядом.

Я судорожно закашлялась, вцепившись пальцами в его мокрые могучие плечи. Мы оказались тесно прижаты друг к другу; капли родниковой воды стекали с его рельефного торса на мою ключицу, его потемневшие глаза горели неудержимой стихийной силой. Но Матвей

глубоко, прерывисто выдохнул, бережно укутал мои плечи сухим полотном и осторожно опустился к моей ноге. Его широкие, горячие пальцы крепко и чутко размяли сведенную икроножную мышцу, прогоняя боль и возвращая живое тепло. В этом жесте было столько благодарной сдержанности, что к горлу подкатил ком благодарности.

На веранде бани он подал мне тяжелый запотевший кувшин с ледяным брусничным морсом на прошлогоднем липовом меду. Кислый, терпкий напиток приятно охлаждал нёбо. Я пила жадными глотками, запрокинув голову и глядя, как в бархатном небе над вершинами вековых лиственниц зажигаются крупные уральские звезды.

В избе я добралась до широкой кровати с хрустящими льняными простынями и уронила голову на подушку. Впервые за долгие пять лет сон пришел без кошмаров о долгах и пустых ресторанных склоках — глубокий, тихий и безмятежный под шелест ночной тайги.

На следующее утро я разложила на кухне спасенные инструменты. На старом дубовом столе разместились моя лаборатория вкуса: плитки темного шоколада на какао Криолло, привезенные из Петербурга в уцелевшем герметичном термобоксе. Чтобы распустить прежние кристаллы какао-масла, шоколад требовалось нагреть до сорока пяти градусов. Чугунная плита отдавала такой жар, что над ней дрожал воздух. Я отвела сотейник в сторону и поискала место для водяной бани.

Выход подсказал опыт: на шестке русской печи, в зоне мягкого рассеянного тепла, я установила широкий медный таз с горячей водой, опустив в него эмалированный сотейник с колотым шоколадом. Непрерывно помешивая массу и сверяясь со щупом портативного кондитерского термометра, я следила, чтобы вода оставалась ниже кипения. Масса распустилась и заиграла бархатным гляncем.

Настало время главного эксперимента. В теплый шоколад тонкой струей я ввела свежий сотовый липовый мед Северова, рассчитывая получить шелковистый ганаш. Но из-за естественной влажности таёжного нектара эмульсия повела себя предательски: сахарные частицы слиплись от слишком малого количества жидкости, и шоколад свернулся в тугой, серый ком, исторгая жидкое масло. Сердце упало. Драгоценное сырьё грозило превратиться в несъедобный брак прямо на моих глазах.

— Температура. Влага. Пропорции, — проговорила я, возвращая рукам знакомый порядок работы.

На водяной бане я быстро подогрела чистое нерафинированное какао-масло. Затем я подогрела небольшую порцию воды с медом и понемногу ввела ее в комок; когда масса стала пластичной, добавила какао-масло. Затем я начала яростно, часто взбивать смесь упругой деревянной лопаткой, круговыми движениями вымешивая середину, пока масса снова стала однородной. Физико-химическое чудо свершилось: тяжелый серый комок поддался, масло втянулось обратно, и через минуту в сотейнике колыхался текучий чернейший шелк с ослепительным зеркальным блеском.

— Баловство это всё, городские конфетки, — раздался от порога насмешливый бас. Матвей стоял в дверях, держа в руках охапку сушеной липы. — Мед ложкой есть надо, с ржаным ломтем. А не черной бурдой его мазать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.